

Сатиры без боли не бывает

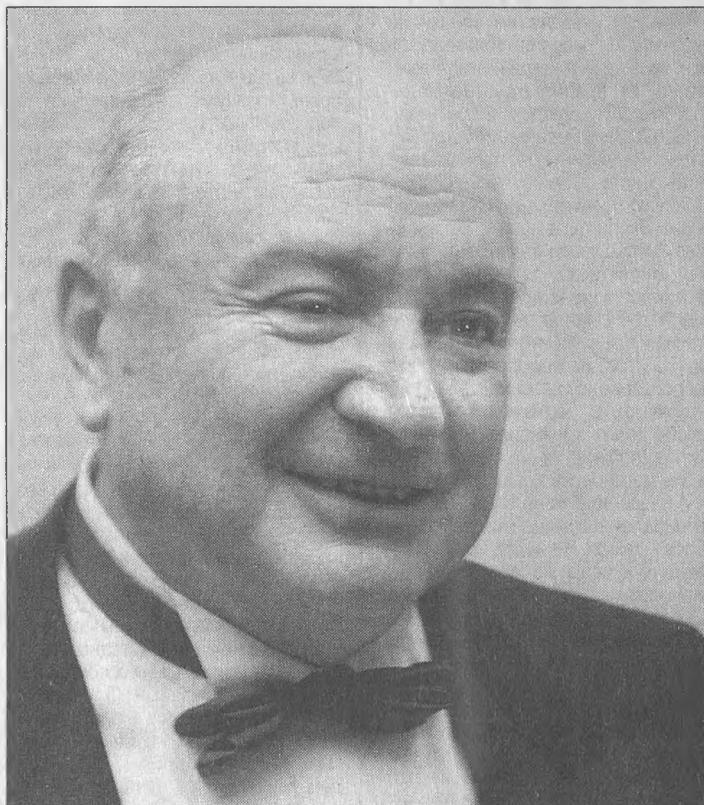
Культура. 2004. - 8-14 апр. - с. 6

Известный писатель Михаил ЖВАНЕЦКИЙ вместе с Андреем Максимовым ведет программу "Дежурный по стране", раз в месяц выходящую на телеканале "Россия". Первого апреля АТВ подготовило "праздничный" выпуск программы, увеличив его хронометраж и пригласив в программу других звезд.

— Михаил Михайлович, когда на телеэкран устремляются люди, не добившиеся особого успеха в своей основной деятельности, это понятно, ну а вам-то, признанному королю жанра, зачем понадобилась эта телепередача, если, конечно, не брать материальный аспект?

— То есть не говорить о деньгах? Это вы хорошо придумали, черт возьми. Программа дает мне возможность пережить много эмоций. Причем совершенно для меня новых. Мы с руководством АТВ решили, что на телевидении лучше разговаривать. Вообще-то, "Дежурный по стране" — это название Авторского телевидения. Другое дело, что раньше "Дежурный" мало отличался от "Ночного полета", сейчас это совершенно другая программа. Отчасти мне удалось аттэшиникам навязать что-то свое. Если на концертных выступлениях я читаю рассказы, то здесь в основном рассуждаю, отвечаю на вопросы и представляю публике не только юморески, но и более сложные, даже поэтические вещи. Я не знаю, можно ли происходящее в студии называть каким-то особым жанром, но сама атмосфера программы мне безумно нравится. И прежде всего то, что от меня не ждут, когда я начну всех смешить. Между мной и людьми за столиками возникает симпатия, мы так обожаем друг друга, что я уже успел заслужить упрек журналистов "Эха Москвы", вдруг ошорошивших меня вопросом: "А вам не противно, что на вас с таким обожанием смотрят?" Я даже растерялся, потому что ну как еще они на меня должны смотреть, с ненавистью, что ли?

— Комфортно ли вам с Андреем



М. Жванецкий

Максимовым как с соведущим и собеседником?

— Во многом для того, чтобы иметь его в качестве собеседника, а я участвую в программе. Мне очень нравится разговаривать с ним. Вот он задает вопрос или просто скажет несколько слов, и я сразу же захожусь. Потому что на вопросы большинства журналистов у меня нет ответа, а на его — есть.

— Как-то вы сказали, что телеведущие — это какая-то особая порода людей, с которой еще надо разбираться.

— Андрей Максимов — исключение. Ему удастся раскрыться самому и ни в чем не помешать мне. Я пробовал что-то делать вместе с другими ведущими, но ужиться в эфире мне удалось только с ним. А телеведущих я действительно слегка недолюблю. И даже когда в качестве лиц эк-

рана выступает кто-то из моих друзей. Помню, была роскошная поездка в Петербург на "Золотого Остапа". Ночь, мы сидим в купе, разговариваем, выпиваем. Вдруг раздаются стук в дверь, и к нам вваливаются телекамеры, прожектора, микрофоны под предводительством Эльдара Рязанова, снимавшего телерепортаж об этом празднике. В обычной жизни я его очень люблю, но тут все удовольствие от общения сразу же было поломано. "Михал Михалыч, только два вопроса!" — и началось... В общем, нормальный человек превращается непонятно во что.

— Как-то вы сказали, что наше общество поглупело, интересно, не с помощью ли телевидения это произошло?

— Конечно, с помощью. Кого на телеэкране можно увидеть чаще всего? Правильно, Жириновского и дру-

гих политиков, которые делают себе имя на скандалах, криках и драках. Я не говорю о политических взглядах, да там и нет никаких взглядов. Нет ничего, кроме скандала, крика и драки. Я все пытаюсь выяснить, какая программа, извините меня за выражение, у партии ЛДПР, и не могу: вижу только драки, скандалы, крики, бодрый вид. И в этом шуме все тонет, и уже никто не возражает, потому что бороться с ним примерно то же самое, что бороться с грохотом электрички. И как не говорить о том, что наше общество поглупело, когда мы видим, какое количество голосов на думских выборах набирают те, которые собираются вести его черт-те куда. А поглупело население, конечно, от телевидения — это на сто процентов. Массы дорвались, народ, как говорится, взял слово. Телевидение стало понимать, что такое рейтинг, народ тоже стал понимать, что такое рейтинг. Телевидение прислушалось к народу, народ, в свою очередь, — к телевидению. И оба постепенно пошли на дно, потому что каждый опускает другого все ниже и ниже, а наверху нет ни телевидения, ни народа. Все встречи происходят внизу.

— Ваша программа противостоит этой тенденции?

— Почему вы считаете, что я должен отвечать на этот вопрос? Ведь что бы я ни сказал, это будет нескромно или даже нечестно.

— Но ведь вы ставите перед собой какую-то задачу?

— А какую цель перед собой ставит любой писатель, когда он пишет? Он хочет что-то сообщить людям. Ему, извините за банальность, есть что сказать. Я привык думать, что раз меня что-то волнует, значит, это же волнует и кого-то другого. Впрочем, кое-что интересное на телевидении все-таки есть. Мне очень нравится "Городок", нравится "Оркестровая яма", бывают очень неплохие документальные фильмы и так далее. В общем, благодаря борьбе рейтинга с хорошим вкусом иногда что-то рождается.

— Как вам кажется, не поглупела ли сегодня и сатира?

— Я даже не знаю, что сказать. Число смеющихся в нашей стране и количество юмора превышают все пределы. Жанр живет нездоровой

опухолью. Наверное, в этом проявляется рыночная система. Как при рынке можно что-то запретить? Непонятно. Хочу ли, чтобы было столько пошлости? Нет. Хочу ли появления цензуры? Тоже нет. А как же тогда надо жить? Не знаю и сам не нахожу выхода. Может быть, телевизионщики, которые за все это платят, с помощью какого-нибудь художественного совета должны направить поток закупаемого ими юмора чуть-чуть в другую сторону.

— Вы думаете, они на это согласятся, ведь рейтинг — это реклама, то есть деньги?

— Наверное, не согласятся, да я и не стану их призывать. Ведь не буду же я их, или юмористов, или кого-либо еще призывать перестать зарабатывать деньги? Но стараюсь придерживаться принципа: моя задача — заработать, а цель — что-то сказать. Поэтому если не получается сказать что-то важное для себя, то я не желаю таким образом зарабатывать деньги. Искренне считаю, что сатиры без боли не бывает. Может быть, я не до конца понимаю, чего бы мне хотелось, но я знаю, кому сострадаю.

— Как вам кажется, почему сейчас нет яркой политической сатиры?

— Думаю, таланта у пишущих мало, да и особо ярких политических деятелей не видно. Хотя в художественной литературе имеются попытки сделать что-то подобное. Например, роман "Кысь" Татьяны Толстой чем-то похож на политическую сатиру. А может быть, жанр политической сатиры актуален при тоталитаризме, царизме. А что такое сатирик в условиях демократии, когда ты в своей газете вполне открыто можешь топить кого угодно, я не понимаю.

— Сегодня многие считают, что ситуация меняется, что начинают закручивать гайки.

— Да, гайки становятся туже. Это видно хотя бы по тому, как резко последние известия на "Первом" или Втором канале отличаются от последних известий на НТВ. Но никаких конкретных прогнозов делать я не буду.

— Скажите, а вы не вспоминаете с ностальгией времена, когда ваши выступления полулегально проходили в "ящиках" и прочих

закрытых учреждениях и полстаны смотрело на вас, как на оракула?

— Если бы я думал только о своем успехе, то подполье действительно изумительное время. Ведь тогда не обязательно было писать что-то художественное, достаточно быть чуть смелее, и ты имел полное обожание, твои слова переписывали, повторяли и так далее. Но если думать о жизни, то теперешняя, на мой взгляд, в сто раз лучше той, где у меня были феноменальный успех и популярность, я не хочу туда обратно. Даже если там все будут говорить моими словами, которые я сам уже перестану узнавать. Сейчас между мной и листом бумаги никого нет. Раньше между нами стояла такая шеренга!

— Как-то вы признались, что во время одного из подпольных выступлений читали свои монологи для сотрудников КГБ, среди которых был и В.Путин.

— Точнее, это он мне сказал, что помнит мое выступление в ДК Дзержинского в Ленинграде. Дворцом культуры МВД заведовал некий полковник Ронкин, как ни странно, еврей, под крылышком которого в городе на Неве расцветала довольно смелая по тем временам сатира. Помню, проходил какой-то концерт, то ли в честь какого-то юбилея, то ли какого-то советского праздника. Я прошел за кулисы, и тут стало мне интересно, сколько в зал пришло народу, отодвинул тихонько занавес и смотрю в щелочку. И слышу, как кто-то приблизился ко мне сзади и спокойно так говорит: "Михал Михалыч, не пытайтесь нас запомнить!" Я сразу же спрашиваю: "А какой праздник у вас? Что почитать?" Чекист положил руку мне на плечо и тихо так отвечает: "Читайте, что угодно, будет приказ — все равно не спрячется". Я читал достаточно вольные для тех лет вещи, и они смеялись! При этом у меня было полное ощущение безопасности. Другое дело, когда я выступал перед обычной публикой, никакая антисоветчина мне не прощалась, а перед ними — пожалуйста.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ